

От разобщенности—к единству многообразия

Почему одни народы живут лучше, а другие хуже? Почему одни вырвались вперед и в материальном производстве, и в социальной защищенности, и в уровне демократии, а другие отстали и живут в недостойных современного человека условиях? Эти вопросы всегда волновали ученых и политиков, пытавшихся найти причины неравномерности развития и выработать курс, который обеспечил бы их народам быстрое продвижение вперед.

С незапамятных времен, однако, в большинстве социально-политических исследований преобладал партикуляристский подход, в основе которого просматривается извечное деление всех людей на «мы» и «они». С развитием человечества и углублением его социальной, этнической, религиозной и иной дифференциации изучение различий — как долговременных, имеющих глубинные основы, так и поверхностных, временных - приняло самодовлеющий характер. Более того, самое широкое распространение получило не только деление по различным принципам (что естественно для любой науки на определенном этапе ее развития), но и противопоставление «нашего» и «не нашего» друг другу. Такие подходы формировали общую политическую культуру, взгляды и концепции, оказывали на политическую практику государств, политических, религиозных и иных объединений существенное негативное воздействие. Попытки рассмотреть человечество как нечто цельное, хотя и весьма сложное по составу, были до последнего времени крайне редки и практически не влияли на политику.

Подтверждений сказанному можно привести немало. Так, в недалеком прошлом ученые (естественно, европейского происхождения) всерьез доказывали, что причина преуспевания Европы по сравнению с другими континентами состоит в естественных преимуществах белой расы. При этом они приводили весьма солидные на вид данные исследований, подтверждавшие их теорию. Одной из разновидностей этого направления можно считать попытки объяснить все увеличивающийся разрыв между «богатым Севером» и «бедным Югом» тем естественным большим трудолюбием, воспитанным суровыми природными условиями, которым северяне якобы отличаются от южан, «привыкших, чтобы им бананы падали в рот». Кстати сказать, возвеличивание себя было присуще в той или иной мере всем расам и даже подрасам на определенном этапе развития, что находило выражение как в соответствующих теориях, так и

Михайлов В. П. - первый секретарь Управления информации МВД СССР. Занимается проблемами стран Северной Африки и Ближнего Востока.

в фольклоре. У эфиопов, например, существует притча о том, что при сотворении человека Ног, вылепив из глины первый образец и обжегши его в печи, получил черного человека и был недоволен, что передержал «го; второй образец и результате недодержки в печи оказался белым и снова не удовлетворил Создателя, и лить в третий раз, набравшись опыта, Бог создал совершенство - в меру смуглого эфиопа!

Теории расового превосходства стали «научной основой», на которой политики строили соответствующие модели отношений как внутри отдельных стран (рабство в США, фашизм, апартеид в ЮАР и т. п.), так и на международной арене (система колониализма, порабощение и уничтожение неарийских народов). К каким жертвам это приводило, сколь негативно сказывалось как на «низших», так и на «высших» расах, хорошо известно. Все эти теории уже развенчаны как ненаучные, а основания на них политика осуждена как античеловеческая. Однако нельзя сказать, что подобные идеи уже полностью ушли в прошлое: то там, то тут время от времени появляются теоретические исследования, при водящие новые или освежающие хороню забытые старые аргументы в пользу теории расизма, а его практика еще кое-где дает о себе знать. В России расистские взгляды никогда не были широко распространены и не находили заметного отражения в государственной политике, однако «бытовой расизм» еще и сегодня нет нет да и покажет свой оскал. Можно вместе с тем утверждать, что человечество в целом переболело этой болезнью, и серьезной опасности в глобальном масштабе она представлять не будет.

Иные теоретики, концентрируя внимание на исторических, культурных, психологических и других особенностях различных народов, именно в них находили объяснение неравномерности развития. Причем так выходило, что отставание своего народа они объясняли временными трудностями, а успехи — следствием объективного превосходства, целого ряда преимуществ, оправдывающих его претензию на ведущую, доминирующую роль в мире. Подобные теории были разработаны в Германии и Японии, Англии и Китае, России и США, в делем ряде других стран. Политическая практика, базирующаяся на них, была страшной: жестокие войны, миллионы уничтоженных «неполноценных» в своих странах и за их пределами. Дорогой ценой заплатило человечество за увлечение национализмом и — но крайней мере в наиболее сознательной своей части — пришло к пониманию как его научной несостоятельности, так и политической опасности. Однако метастазы национализма распространились весьма широко и дают о себе знать сегодня в той или иной форме во многих уголках планеты, становясь важными составляющими кровопролитных конфликтов.

В России националистические настроения в настоящее время проявляются как в пренебрежительном, а иногда и враждебном отношении части населения к ряду других народов, в попытках взвалить на них хотя бы частично вину за переживаемые трудности, так и в возвеличивании (в том числе и на государственном уровне!) русского народа как «самого доброго, сердечного, отзывчивого» и т. д., и т. п. Не изжито еще и стремление присвоить русским некое духовное мессианство, привилегию владения тайными истинами, особыми духовными ценностями и, соответственно, право на особое место в мире. Как ни парадоксально, националистические взгляды распространены не только среди сторонников имперского подхода к формированию государства, обосновывающих объективность объединительной, лидирующей роли России, но и среди части поборников суверенитета, заявляющих о том, что она не может и не должна иметь ничего общего с азиатскими пародами, которые якобы всегда жили за ее счет и лить тормозили ее прогресс. Демократическому

движению необходимо решительно освободиться от всех видов национализма, памятуя, что только подлинно равноправные и уважительные отношения со всеми народами обеспечат России и безопасность, и наилучшие условия для развития.

В определенном смысле и марксистско-ленинская классовая теория вписывается в этот ряд партикуляристских учений. Выявив деление общества на классы, марксизм-ленинизм сделал упор на их антагонизм и борьбу, выделил один класс в качестве наиболее прогрессивного, признанного повести человечество вперед и, следовательно, имеющего все законные основания установить свою диктатуру и подавлять все остальные классы вплоть до их уничтожения. Опыт развития целого ряда стран к соответствию с этой теорией показал, что противопоставление классов ведет к конфликтам, миллионам жертв и в конечном счете тормозит продвижение общества вперед.

* * *

В последнее время как за рубежом, так и у нас активизировались сторонники еще одного направления социальной мысли, обосновывающие превосходство одних религий над другими как способствующих более быстрому продвижению в области материального производства и демократии. Наиболее явственно это проявляется в противопоставлении христианства и ислама.

Бурные, нередко взрывные процессы во многих мусульманских странах привлекли к ним пристальное внимание христианской мира. И в то время как на уровне обыденного сознания эти процессы вызвали вполне понятные опасения людей за собственную безопасность, некоторые исследователи поспешили приписать всем сторонникам ислама особую агрессивность и склонность к тоталитаризму. Подбирая подходящие цитаты из Корана, и особенно из выступлений его проповедников, они доказывают, что ислам несовместим с демократией и общечеловеческими (в их понятии христианскими) ценностями и, более того, питает и поддерживает авторитаризм и тиранию. В подтверждение указывают на то, что христианство, выдвигнув важную идею разделения церкви и государства (выраженную и Христовом «Богу — богово, кесарю — кесарево»), открыло путь развитию демократии, основой которой являются свобода выбора, личная ответственность и признание равной ценности каждой личности. В Коране же идеи равенства всех перед Богом и любви к ближнему столь явно не выражены. Можно согласиться с тем, что в некоторых областях библейские каноны составляют более органичную и арочную основу современной формы демократии. Однако отсюда вовсе не следует вывод о том, что ислам вообще несовместим с демократией и подлежит если не подавлению, то максимальному ограничению. Уступая в формулировании одних идей, Коран явно более преуспел в разработке других. Так, крайне острые расовую и национальную проблемы он решает ясно и четко, указывая, что человечество представляет собой одну нацию и разделено на племена лишь для того, чтобы они лучше узнали Друг друга и не ненавидели друг друга.

Обвинения ислама в антидемократизме, основанные на сегодняшней политической практике в мусульманском мире, где практически нет государств с прочной и развитой демократической системой власти, где распространены диктаторские режимы и далеко не блестяще обстоит дело с уважением прав и свобод человека, также не выглядят достаточно убедительными. Нельзя судить об учении в целом лишь на основе тех деяний, которые совершались под его знаменем на определенном историческом этапе. Что касается «особой агрессивности» ислама, то не

мешало бы вспомнить не только крестовые походы и совершавшиеся именем Христа колониальные захваты, но и то, что обе мировые войны были развязаны христианскими странами. И именно в христианском мире возникли и получили широкое распространение такие одиозные формы тоталитаризма, как фашизм и казарменный социализм. Так что же теперь обвинять христианство в том, что оно явилось питательной средой для них? Ведь при желании и в его теории, и особенно в исторической практике можно найти этому подтверждение. Не заглядывая далеко в историю, можно увидеть, что еще совсем недавно большинство христианских стран Латинской Америки находились под пятой военных диктатур. И чем же лучше прежний режим на древней христианской земле Эфиопии тех, которые царили в соседних мусульманских странах? Как тут не вспомнить слова Христа о соринке в чужом глазу и бревне * своем?!

* * *

Таким образом, непредвзятому взгляду становится ясно, что все попытки найти причину более быстрого прогресса одних и отставания других в чем-то одном — будь то расовая принадлежность, национальные особенности, религиозные верования или что-то еще — не имеют и не могут иметь под собой серьезной научной основы. Сложнейшие процессы материального и духовного развития определяются массой взаимовлияющих факторов, каждый из которых имеет свое значение, и выделять произвольно один из них в качестве основного с научной точки зрения несостоятельно, а с политической — реакционно. Ведь вольно или невольно своими теориями, ставящими одни расы, народы, конфессии над другими, исследователи создавали базу для политических теорий, обосновывавших господствующее положение этих общностей и оправдывавших подчинение и даже уничтожение других. Такие противопоставления в конечном итоге приводили к столкновениям, конфликтам, войнам и отбрасывали все человечество назад.

Можно утверждать, что мировое развитие в обозримом будущем в значительной степени будет определяться двумя тенденциями. Первая — это усиление взаимозависимости, взаимосвязанности, интегрированности всех составляющих человеческой общности, все более быстрое и органичное восприятие чужих достижений в различных областях для ускорения собственного развития. Эта тенденция ведет к выработке общих норм • принципов взаимодействия и сотрудничества на основе общих ценностей, к формированию общечеловеческой цивилизации. Вторая заключается в стремлении различных человеческих общностей сохранять и развивать «вою самобытность, характерные этнические, культурные, религиозные черты, обычаи и традиции, в противодействии унифицированию.

Нельзя сказать, что эти две тенденции развиваются гармонично, без борьбы и противоречий. Однако, на мой взгляд, крайне важно то, что между ними нет антагонизма и они могут действовать одновременно. Более того, обе они необходимы, и «победа» одной из них привела бы к самым печальным последствиям. В одном случае человечеству грозило бы превращение в однообразное, унифицированное и, следовательно, весьма неустойчивое сообщество. Его можно было бы сравнить с тундрой, относительная монотонность которой делает ее крайне уязвимой для внешнего воздействия и трудно восстанавливаемой системой. В другом же случае нарастание центробежных сил, нарушение взаимных связей, все большее обособление отдельных частей, усиление неравномерности их развития и, как следствие этого, нарастание противоречий и конфликтов вело бы к катастрофе. Если вновь воспользоваться образами природы то оптимальную модель человеческой цивилизации можно уподобить

тропическому лесу, который именно благодаря многообразию и взаимодополняемости составляющих его элементов флоры и фауны демонстрирует гораздо более высокую (хотя и не беспредельную) степень устойчивости и выживаемости.

Процесс более глубокого осмысления человечеством законов своего развития уже идет. Лучшие его умы призвали и призывают к формированию планетарного сознания, созданию здоровой ноосферы Земли. Воздействие этих гуманистических воззрений начинает ощущаться я в политике. Однако процесс идет пока слишком медленно и не может еще сдержать инерцию разрушительной и саморазрушающей деятельности человека.

В этой связи перед общественными науками стоит задача поистине глобального масштаба: отказавшись от деструктивного партикуляризма, перейти к мышлению на общечеловеческом, общецивилизационном уровне. Это не значит, что следует прекратить изучение особенностей и характерных черт отдельных человеческих общностей. Отнюдь нет. Необходимо лишь изменить вектор исследований, направив их не на поиски слабостей и недостатков, доказательств ущербности и второсортности, а на анализ и развитие всего того ценного, что накоплено людьми в различных уголках нашей планеты.

Пора науке утвердиться в понимании того, что как нет в природе более и менее ценных, полезных видов флоры и фауны, каждый из которых играет свою уникальную, незаменимую роль, так нет и в человеческой цивилизации высших и низших рас, народов, классов, конфессий и т. п. Нет на свете народа без своего специфического опыта материального и духовного развития, из которого человечество не могло бы извлечь пользу. **Нет** такого класса, сословия, которые на определенном историческом этапе не играли бы позитивной роли. Нет такой религии, которая, будучи результатом поиском души и разума человека, не представляла бы интереса и не могла бы быть обращена во благо. В конечном итоге основу всех этих сообществ составляют люди с их не во всем схожей биологией, разнообразием интересов, мыслей и чувств. В обстановке свободы, терпимости и доброжелательности их расцвет будет естественным и взаимообогащающим. Гармоническая общность многообразия — вот наиболее устойчивая и перспективная основа развития человечества.